

Е.А. Новосёлова¹, О.А. Иост¹, П.В. Алексеев²¹Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова, Казахстан;²Горно-Алтайский государственный университет, Россия

(E-mail: elena_kharchenkoi@mail.ru)

Поэтика времени и пространства в лирике Ольги Григорьевой

Статья посвящена рассмотрению пространственно-временной организации творчества современного русскоязычного поэта и писателя, журналиста и литературного критика, создателя единственного в мире Музея имени Анастасии Цветаевой, яркого представителя творческой интеллигенции Казахстана Ольги Николаевны Григорьевой. Предметом анализа является художественный хронотоп лирики Ольги Григорьевой, выявление специфики которого дает представление о своеобразии творчества и личности автора, вписанного в Павлодарскую региональную литературу и мировой литературный процесс. Изучение пространственно-временной организации художественных произведений О. Григорьевой позволяет глубже постичь особенности авторской картины мира, выявить своеобразие ее философско-поэтической концепции бытия. Демонстрируя любовь к родному пространству (представленному концептами города, степи, страны и т.д.), Григорьева не может ограничиться конкретной пространственно-временной точкой, она расширяет границы своего мира, перенося это чувство на «чужое» пространство. Итогом статьи является определение вклада О. Григорьевой в укрепление межнационального сотрудничества, диалога поколений, оживление литературной деятельности Павлодарского Прииртышья в контексте общеказахстанских культурных процессов.

Ключевые слова: Ольга Григорьева, хронотоп, время, пространство, литературное творчество, региональная литература, русскоязычная литература Казахстана.

Ольга Николаевна Григорьева — яркая представительница русскоязычной литературы Казахстана, в чьем творчестве Павлодарское Прииртышье прочно вошло в общий контекст литературы Казахстана.

О. Григорьева родилась в 1957 г. в Новосибирске. Будучи выпускницей факультета журналистики Казахского государственного университета, приехала в Павлодар в 1979 г. Она автор более двадцати поэтических и прозаических сборников, изданных в Павлодаре, Алматы, Москве; член Союза журналистов Казахстана, Союза российских писателей; журналист областной газеты «Звезда Прииртышья»; создатель Музея имени А. Цветаевой и инициатор проведения ежегодного Цветаевского ковра в Павлодаре. Произведения Григорьевой активно печатаются: входят в состав антологий (например, «Современное русское зарубежье», М., 2005); альманахов (например, «Южная звезда» и «Ковчег», Ростов-на-Дону); сборников (например, «Омская муза», «Омск театральный»); журналов (например, «Студенческий меридиан», Москва; «Сибирские огни», Новосибирск; «Складчина», Омск; «Простор», Алматы; «Нива», Астана) и мн. др. О. Григорьева активно сотрудничает с начинающими литераторами и с интересом следит за современным литературным процессом; занимается изучением культурного наследия Павлодарского Прииртышья. Многие произведения автора переведены на казахский язык; есть переводы отдельных стихотворений на английский, болгарский и итальянский языки.

Актуальность исследования творчества О. Григорьевой связана с необходимостью изучения региональной литературы, определившей тенденцию современного казахстанского литературоведения, в котором региональный аспект представляет одно из наиболее активно развивающихся направлений.

Кроме того, творчество О. Григорьевой отражает характерную для современного литературного процесса Казахстана особенность, связанную с отмеченной Ж.Ж. Толысбаевой тенденцией влияния «провинциальной поэзии как альтернативно-нового типа художественно-эстетического мировидения», когда «процесс самособирания поэзии в новое эстетическое единство начинается в провинции» [1].

Актуальность обращения к лирике О. Григорьевой определяется и тем, что изучение ее поэтики началось не так давно. Интересны этюды о поэзии О. Григорьевой Н.Г. Шафера [2]. Упоминается лирика поэтессы в работе С.В. Ананьевой, Т.В. Кривошаповой, в целом посвященной современной русскоязычной литературе Казахстана [3; 108]. Рассмотрению отдельных черт поэтики автора посвяще-

ны исследования павлодарских литературоведов — Е.П. Гараниной [4] и Л.Е. Токатовой [5]. Определенное обобщение данных о личности Григорьевой можно найти в заметках поэта, журналиста, музыковеда Р. Жумановой, которая «сразу, «с первых нот», обнаружила и радостное любому творцу созвучие с собственными строчками, и покоряющую искренность, и ту самую гениальную простоту, к которой мы все, в конечном счете, стремимся...» и считает ее одной из «людей окраин», которые «спасают от распада современную культуру поэтического Слова» [6].

Предметом рассмотрения данной статьи является художественный хронотоп преимущественно лирики Ольги Григорьевой, выявление специфики которого дает представление о своеобразии творчества и личности автора, вписанного в Павлодарскую региональную литературу, но и выходящего на просторы общекзахстанского и мирового литературного процесса.

Вопросы пространственно-временной организации художественного мира лирических произведений — актуальная литературоведческая проблема. Не вдаваясь в детали развития теории хронотопа и практики его анализа в творчестве конкретных художников слова, отметим, что основателем ее является М.М. Бахтин, определивший хронотоп в качестве «формально-содержательной категории», отражающей «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе... Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем... Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп» [7; 235]. Идеи М.М. Бахтина в дальнейшем получили развитие в трудах Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, Н.К. Гея, Г.М. Фридендера, Б.А. Успенского, С.Ю. Нехлюдова и других. В зарубежной науке теоретические аспекты хронотопа (как часть популярного на Западе бахтинского наследия) были предметом обсуждения Д. Фрэнка, Р. Барта, Леви-Стросса, Ж. Дерриды, М. Хайдеггера и других.

Время и пространство в качестве универсальных категорий литературного произведения являются одним из наиболее распространенных вопросов современного литературоведения, в том числе и в Казахстане. Пристальное внимание теоретическим и практическим вопросам художественного хронотопа уделяется, например, в работах Е.Д. Турсунова [8], Н.О. Джуанышбекова [9], В.В. Савельевой [10], С.В. Ананьевой [11], А.Б. Темирболат [12] и многих других.

Данная статья является попыткой анализа специфики функционирования категории времени и пространства в художественном творчестве О. Григорьевой с интенцией выявления своеобразия ее личности, играющей серьезную роль в современной культурной жизни.

Основываясь на идее о неразрывном единстве времени и пространства художественного текста, начнем анализ с категории времени. У О. Григорьевой выделяются разные формы времени: биографическое (в стихотворениях, посвященных разным периодам жизни лирической героини — детству, юности, зрелости); историческое (в стихотворениях, характеризующих смену эпох, значимых для страны событий или говорящих о взаимодействии прошлого, настоящего и будущего); космическое (при определении места человека во вселенской истории); календарное (при характеристике смены времен года, веков); суточное (при описании разных времен суток — утра, дня, вечера и ночи). Художественное время при этом подчеркнуто субъективно, связано с личными переживаниями лирической героини: «Так вечен, велик, зеркален / Закат над большой рекой, / Так тих наш зелёный остров, / Что времени рвётся нить» [13; 4].

Жизнь дается человеку лишь единожды, и время, по Григорьевой, — своеобразное мерило, откладывающее на шкале ценностей вклад каждого человека в судьбу Вселенной: «Время понять, что не малость, а милость / Жизнью дарованный каждому срок. / Время ответов» [13; 305]. Вечное соседствует с временным; главное — не упустить истинно ценное, прожить, благодаря Творцу. Человек не совершенен по своей сути, часто бывает атакован страстями и сомнениями. В этой борьбе нет победителей и проигравших; она вечна, как мир. Нехватка времени наиболее отчетливо ощущается, когда протекает мимо, отнимая драгоценные для творчества мгновения, схожего с поездом «Красная стрела», со сном, обмороком, провалом в памяти.

Время жизни измеряется переменной времен года, подчеркивающей цикличность человеческого бытия. Оно летит, ускользает, оставляя лирическую героиню далеко позади. В поэзии Григорьевой выделяется целый пласт лексики с временным значением: числа, дни, смена веков, времен года, времени суток. Это многообразие объясняется степенью важности категории времени для поэтессы, стремлением увидеть себя в бесконечном потоке жизни.

Частым приемом связи времен в творчестве О. Григорьевой являются воспоминания. Воспоминания — это своеобразный мост между прошлым и настоящим, который дает возможность восстано-

вить события, переосмыслить собственные поступки. Кроме того, воспоминания — это художественное средство, благодаря которому лирическая героиня оказывается в прошлом, зачастую — в своём беззаботном детстве. Атрибуты того времени — обостренное чувство прекрасного, восхищение природой: «Дождь, и град, и чудо радуги! / Я скорей бегу домой. / Две большие пули-градинки / В кулачке несу с собой» [13; 22]. Время настоящее — безжалостное, разделяющее родных людей, вносящее ощущение трагичности человеческой жизни: «Что ж ты, время, острым ножиком / Сердце режешь, душу рвёшь!» [13; 23]. Резкий диссонанс между давно прошедшим и настоящим подчеркивает идею Григорьевой о безжалостности и беспощадности времени.

Воспоминания представляют собой осознанное бегство лирической героини от суровой действительности в моменты отчаяния. Так, в памяти лирической героини остался образ саней, в которых отец возил ее в детстве, ставших символом опоры и защиты в минуты отчаяния. Автор мучается от осознания необратимости времени, невозможности вернуть всё вспять, и потому воспоминания окрашены в минорные тона.

Григорьевой свойственно концентрировать несколько временных пластов в пределах единого пространства. Лирическая героиня часто перемещается во времени, перечисляя свои настоящие или последующие действия. При этом события прошлого связаны с лучшими воспоминаниями, а будущее — туманно: «И вот уже прошлое кажется милым раем, / Наверное, потому, что возврата нет» [13; 165].

Часто Григорьева строит оппозиции, основанные на антитезе «день — ночь». День символизирует открытое и свободное пространство жизни; ночь — опасное состояние, время неопределенности и беспомощности героя, находящегося в необозримом смутном пространстве: «Спят во тьме берега, спит страна великая. / То ли ночь, то ли век — всё плывём, плывём» [13; 13]. Ночь, кроме того, изображает переходное состояние природы, что выражается в изображении вечернего сумрака, в выборе матовых оттенков, полутонов.

При описании природных ритмов в лирике Григорьевой прослеживается жизнеутверждающая тенденция и способность сохранять веру в лучшее, не впадать в отчаяние, несмотря на сложные испытания и исторические перипетии. Говоря об особенностях поэтического мира О. Григорьевой, Н. Шафер отмечает: «Она никогда не воспринимала природу, так сказать, автономно. Природа существует не сама по себе, а в непрерывном единении с человеком — то гармонично сливаясь с ней, то конфликтуя с его неразумными действиями по отношению к ней, то поднимая его настроение» [2]. Природа зачастую представляет образ вечности — в отличие от относительности бытия человека. При этом художники слова подчеркивают единство хронотопов человека и природы. Пейзаж отражает течение и ритм времени; углубляет психологизм; усиливает лиризм повествования. У Григорьевой, действительно, в неумолимом беге времени человек — лишь песчинка, «... уставший, сгорбленный, / Под грузом седин, морщин» [13; 15]. Важно успеть остановиться, увидеть, насколько прекрасен мир, полюбоваться «золотыми нитками» Иртыша, нимбами над головами у играющих детей, радоваться «июньскому подаренному дню». Стихотворения Григорьевой о природе глубоко философичны: человеческая жизнь сродни великолепному саду: только недавно он был зелёным, дарил надежды и увлекал в неизведанное, но совсем незаметно апрель сменился августом, явив тем самым пример вечного круговорота судьбы: «Только злись иль не злись — / К сентябрю поседеешь. / Из отметинок жизнь, / Никуда их не денешь» [13; 37].

Сезонный хронотоп (зимний, весенний, осенний, летний) подчеркивает представления поэтессы о цикличности бытия. Так, зимний пейзаж предельно лаконичен; зимние описания строги, «голы и чисты», как деревья, оставшиеся без листьев. В то же время стихотворения, описывающие зиму, дают представление о космическом, вселенском характере времени. Снег — это очищение, избавление от страданий: «Летит неведомо откуда, / Морозит щёки колкий лёд. / Земля страдания забудет, / И, как больной, вот-вот уснёт» [13; 52]. Григорьева сравнивает зимние бураны в степи с океаном, приводя такие эпитеты, как «круговерть», «прыть», «как в чугулке с закипающим молоком» [13; 64]. Снег символизирует очищение, смену веков и к тому же опасное состояние незащищенного от стихии человека («мороз так долгов и жесток», «ожог ледяной», «опасность весной не проснуться», «снегопад надвигается воинством», «этот жгучий холод, мрак»).

Разгул зимней стихии особенно ощутим в степи, приобретающей сакральное значение: степь бесконечна, так же, как и «старый уставший век» [13; 64], и каждый человек, попавший в буран при такой погоде, обречен на гибель, так же, как и XX век, ускользающий и плавно переходящий в век XXI. Так Григорьевой удается сопоставить два временных пласта (настоящее и будущее)

в едином пространстве, подчеркивая активное участие человека во временном континууме. Особенностью зимнего хронотопа является присутствие религиозного мотива, связанного с христианским праздником Крещения. Место купели в реке Иртыш разрывает замкнутое пространство, позволяя лирической героине ощущать себя свободно в просторах Вселенной: «Омоюсь сегодня крещенской водой, / Все беды она унесёт за собой — И беды, и годы. / И в сердце пробудит ожог ледяной / Предчувствие встречи, что будет со мной, / И тайной свободы» [13; 78]. В стихотворении «Зимняя рыбалка» встречаем необычное сравнение человека с рыбой, вылавливаемой из лунки на приманку. Григорьева сожалеет, что человек слишком часто попадает на крючок материальных ценностей, не понимая, что это губительный путь.

Весна — пора расцвета в природе; вслед за ней расцветают мысли, чувства и эмоции. При описании весеннего хронотопа можно выделить следующие закономерности: это переходное состояние души лирической героини, по-своему тонко ощущающей течение жизни и способной сохранять радость жизни вне зависимости от исторических потрясений: «Рухнул век, и погибли отцы, / И давно поразъехались дети, / Но опять заселяют скворцы / Неказистые домики эти» [13; 98]. Особым месяцем для Григорьевой является апрель, который расширяет границы пространства: «Разлился батюшка-Иртыш, / Течёт куда-то в бесконечность» [13; 104]. Основные характеристики весны — звуки («гулкая степь», «звонящие дожди», «отчаянный звон капли») и цвета («розовое солнце», «зеленеют леса», «прозрачный синий омут», «кудряв, голубоглаз»). Апрель представляет собой время ожидания, предчувствия и таинственности. Поэтому Григорьева зачастую в весенних текстах описывает переходное состояние природы (утро, сумерки).

Летний пейзаж несет размышления о том, что лето — это время для осознания и переосмысления пройденного пути, подведения предварительных итогов («макушка лета» ассоциируется со зрелым этапом в жизни человека). Героиня видит одновременно прошлое, настоящее и будущее, наполненное бытовыми событиями и обстоятельствами: «Прошлое — в дымке где-то...» [13; 6]. Время жизни человека, как и время природы, скоротечно, протекает независимо от воли человека: «Может, оттого, что жизнь проходит / Так, как этот быстрый летний дождь» [13; 13].

Осень у поэтессы обладает особым, сакральным смыслом. Середина сентября — это середина человеческой жизни, время для осознания себя и своего места в ней. Самое страшное в ней, по мысли Григорьевой, — одиночество, причем одиночество в толпе людей — нравственное и духовное. По мнению исследователей С.В. Ананьевой и Т.В. Кривошаповой, у Григорьевой «чувство одиночества... связано с утратой родного очага в локальном и глобальном смыслах» [3; 108]. В безумной гонке действительности счастье — это дар, хрупкий и почти недостижимый. А высшая ценность человеческой жизни — Любовь: «И в пространстве отсечённом, / Побеждая смерть и ложь, / Ты, любовью освящённый, / До сих пор еще живёшь...» [13; 42]. В образе осени четко прослеживаются несколько эпитетов, обладающих устойчивым значением. Наиболее часто встречающийся из них — желтый (желтеющий, золотой). «Дискомфорт состояния души передаётся Григорьевой в параллельной связи с состоянием живой природы» [3; 108]. В зависимости от душевного настроения лирической героини, этот цвет становится символом заката человеческой жизни и шире — смены эпох, знаком беспощадного бега времени, изменений, происходящих в стране, пограничного состояния личности: «На окраине бывшей страны, на окраине века // Я с душою спокойной у окна полуночного жду / Появления снега...» [13; 46].

Осень жизни — это еще и своеобразный рубеж, который нужно с достоинством принимать: «Но в желтый лес, как в праздничную залу, / Я с головою поднятой вхожу...» [13; 48]; под влиянием холодного ветра не опустошить свою душу, сберечь ее, готовую сочувствовать и сопереживать, спасти от пошлости; в безумном мире не делать разницы между «своим» и «чужим» горем. Переходность осени обусловлена характером протекающих событий: это и «начало начал», и в более общем плане — «конец предвещает рождение» [13; 55]. Жизнеутверждающая позиция Григорьевой заключается в следующем: преодолев тоску и отчаяние, найти в себе силы благодарить Всевышнего за все испытания, и тогда «сквозь листву золотую поглядят в тебя небеса...» [13; 57].

Осенний пейзаж характеризует переходное состояние природы и связан с представлением о цикличности жизни. На лексическом уровне это выражается в преобладании лексики со значением заката, финала, завершения жизни («сухие листья», «лету красному конец»). Время ощущается и обретает зримые очертания: «У августа повадки лисьи». Заметно преобладание пейзажей-настроений, изображающих переживания лирической героини. Особый акцент в подобных описаниях — на цветотопии (рябина горит, «как поцелуи огня», «клён в золотом камзоле», «сентября платок оранжево-

золотой», «листьев жёлтая стая»). Желтый тополь не предстает символом тоски, становясь опорой для лирической героини, основой ее мироздания на фоне изменяющихся исторических событий: «Век несётся... Вой и топот./ Мне угрозы нипочём / Милый друг мой, жёлтый тополь / Подставляет мне плечо» [13; 43].

Еще одна особенность осеннего хронотопа Григорьевой — это безвременье. «Безвременьем — долгим, жалким» характеризуется состояние природы, «бывшей страны» и лирической героини. Определение «бывшая» по отношению к стране представляет исторический образ распавшегося СССР, горькие размышления поэтессы о судьбе некогда огромного государства и сплоченного народа. Политические мотивы нечасто встречаются у Григорьевой; в целом, ей не свойственно обращение к политическим событиям и персонажам.

Интересна пространственно-временная организация лирических стихотворений Григорьевой о любви. В потоке времени любовь — единственное вечное чувство в хаосе постоянно изменяющихся событий: «Все мы временны, тленны» [13; 62]. Влюбленные пьют терпкое вино осени, не спеша, словно ощущая каждое мгновение, минуту, час. Намеренное замедление времени, ретардация его — прием, позволяющий рассмотреть лица, ощутить послевкусию встречи: «С тобой мне тепло — до весны, до поры... / Я всё позабыла — и место, и время» [13; 72]. Лирическая героиня ощущает себя частью январского морозного дня. С другой стороны, любовь — это чувство, связанное с расставанием. Время в данном случае не конкретизировано, приобретая обобщенный характер безвременности: «Я очень помню, как ты уходил. / И сердце в такт шагов твоих стучало, / В такт уходящих вёсен, лет и зим» [13; 130].

Таким образом, категория времени, рассмотренная в лирическом творчестве О. Григорьевой, демонстрирует принципиальную значимость для отражения внутреннего состояния лирического героя, характеризующегося, в первую очередь, острым ощущением бега времени, сквозь призму которого усилена значимость вечности.

Для того, чтобы в полной мере понять своеобразие творчества и личности О. Григорьевой, необходимо рассмотреть вторую составляющую ее художественного хронотопа. Говоря о функционировании категории пространства в лирике Григорьевой, следует подчеркнуть ее особую важность, связанную с тем, что пространство, передавая особенности времени на фоне душевных переживаний лирической героини, демонстрирует способность и возможность автора активно передвигаться по миру. Перемещение в пространстве напрямую связано с особенностями ее мировоззрения, разделяющего пространство на открытое (героиня ощущает себя в пределах Вселенной) и замкнутое (в нем она находится постоянно, выполняя ежедневные домашние и рабочие дела). Выход из замкнутого пространства, явно оказывающего давление на Григорьеву, возможен, к примеру, путем введения окна как образа перехода из одного состояния в другое: «Я открываю окно, / И врывается в дом / Жизни сила шальная / С ледяным ветерком» [13; 106].

Пространство в стихотворениях Григорьевой безгранично, поглощающее одинокого и беспомощного человека. Яркий пример открытого пространства — часто встречающийся образ степи, приобретающий культурологическую окраску: «Так одиноко в степи, / так неудобно / Низкие тучи каймой / дом зацепили. / Глянешь вокруг — / и понимаешь смутно: / Всё это создано, / чтобы тепло ценили» [13; 88].

Мотивы перемены места связаны с изменениями времени. Лирическая героиня постоянно движется; параллельно этому движению протекает и время ее жизни. Неизменным остается только одно — чувство любви к Родине. Топос родной земли, «отчего дома» — один из часто встречающихся в лирическом творчестве Григорьевой: «Не оттого ли — коль еду мимо я — / В генах, в крови, глубоко во мне — / Нежность больная, неистребимая / К этой убогой, родной земле» [13; 31]. Мотив возвращения к родной земле, родному пространству, связанный с категорией «своё–чужое», явно выигрывающему на фоне всех преимуществ заграничной жизни, устойчив в лирическом творчестве Григорьевой. Родное место никуда не отпускает: «Я знаю — за тысячи миль и десятки стран, / На берегу океана, в который раз / Снится тебе безумный степной буран, / И ты не хочешь открыть заплаканных глаз» [13; 65]. Данный мотив, выступающий параллельно с воспоминаниями о давно прошедших событиях, вызывает несовпадение пространственно-временной картины мира: настоящее и картины воспоминаний не сходятся в одном пространстве. Короткий разговор лирической героини с невидимым адресатом в небольшом стихотворении «Два города» еще больше подчеркивает оппозицию «свой»–«чужой»: несмотря на притягательность Москвы в культурном и историческом контекстах, возвращаться нужно к себе, как «порох в патрон... / В город иртышский, где пьют по-казахски чай» [13; 222].

Павлодар, маркированный в поэтике Григорьевой как «свое» пространство, имеет ряд особенностей. Центральный пространственный образ, вокруг которого организуются все более или менее важные для города события, — образ Иртыша. Этот образ многоаспектен. Во-первых, он связан с представлением о реке памяти, хранящей воспоминания о событиях из прошлого. Эти воспоминания соотносятся с пространственной локализацией, с определенными людьми и событиями: «Я вновь смотрю на воды мутные / И вспоминаю жизнь свою. / И лица, даты и события / В зелёной глубине плывут, / И чувства, вроде бы забытые, / Всплывают в несколько минут» [13; 14]. Иртыш — это своеобразный вневременной канал памяти, благодаря которому возможны виртуальные перемещения лирической героини из настоящего в будущее: «Сквозь космический холод, / Через времени дебри, / Ты услышишь мой голос: / Я люблю тебя, Бэмби!» [13; 21].

Действительно, «Иртыш — образ настолько важный, что он определяет способ изображения городского пространства в принципе: даже павлодарские улицы «текут», как река, пространство города отражается и повторяется в пространстве реки» [4; 34]. Справедливо отмечают исследователи: «В стихотворениях Ольги Григорьевой Павлодар как пространственный образ фиксирует моменты психологической истории лирической героини, становится «картой души», «картой чувств» лирического субъекта» [5; 13]: «Мы любим не город, а то, что в нём было. / И, может быть, то, что могло ещё быть: / Встречалось, рождалось, болело, искрило — / И нас вдохновляло всё это любить» [13; 218].

Кроме того, Павлодар как евразийский город играет важную роль в формировании «поликультурного общества» [5; 15]. Так, в стихотворении «Ты возьми меня с собой» объединяются образы изумрудной мечети и звона куполов собора, плывущего над Иртышом. Поэтесса подчеркивает теснейшую культурную и духовную связь представителей разных национальностей и вероисповеданий, объединенных общим представлением о Прииртышье как родной земле.

Несмотря на то, что Павлодар — промышленный город, в лирическом творчестве Григорьевой практически отсутствует описание характерных для городской жизни атрибутов. Картина города изобилует изображением природных явлений, звуков музыки, известных деятелей литературы и искусства, поэтов и писателей. Так, у нее есть стихотворения, посвященные Н. Шаферу, Ю. Поминову, А. Булдакову, И. Кандыбаеву и другим известным культурным и общественным деятелям. «Центром культурного пространства города является творчество известного поэта начала XX века — уроженца Павлодара Павла Васильева. Павлодар в лирике Ольги Григорьевой изображается во многом через призму образной системы Павла Васильева» [4; 36]. Выбор подобных мотивов говорит о важности культурного образа городского пространства для Григорьевой, воспринимающей Павлодар «как родное, обжитое пространство» [4; 37].

Павлодар в качестве культурного феномена находит отражение не только в поэтическом творчестве О. Григорьевой. Так, в книге «Вы — история, не поколение» автор в числе имен, связанных с пространством города Павлодара, называет имена Павла Васильева, Виктора Батурина, Анастасии Цветаевой, Евгения Евтушенко, оставивших яркий и незабываемый след в его культурной судьбе [14]. О. Григорьева скрупулезно собирает все упоминания о Павлодаре у А.И. Цветаевой, для которой Павлодар стал своеобразным знаковым местом, подарившим ей множество светлых мгновений.

Вместе с О. Григорьевой читатель совершает виртуальное «путешествие в Омск с любимым поэтом» — Павлом Васильевым. Так, возникает еще один знаковый для Григорьевой топос — город Омск. Омск, хранящий воспоминания о П. Васильеве, как «город его первой любви, первых публичных выступлений и признания Васильева как поэта» [14; 44], становится своим пространством, внося вклад в становление личности уникального мастера слова, «обессмертившего в русской литературе и наши степи, и Павлодар, и Омск, и Иртыш» [14; 44].

Следует рассмотреть особенности хронотопической организации сборника «Цветаевский теплоход», представляющий собой своеобразное паломничество по местам последней поездки Марины Цветаевой. Значительный объем в сборнике занимает пейзаж, который подчиняет себе весь текст. Хронотопический пейзаж включает описания ландшафтного и временного плана; названия мест, по которым путешествует Григорьева. Пространство динамично, оно движется по мере движения героини. О. Григорьева погружает читателя в историческую эпоху, свидетелем которой стала семья Цветаевых и в особую атмосферу мест, связанных с последними годами жизни представительницы русской поэзии и получивших необыкновенную притягательность для современных исследователей и почитателей таланта М. Цветаевой. Размышления о причинах, приведших Цветаеву к самоубийству, приводят О. Григорьеву к выводу о том, что «жизнь и смерть М. Цветаевой — как жертва и искупле-

ние наших грехов, нашего бесчувствия и равнодушия... Осознанно приняла она мучительную гибель» [15; 71]. Григорьева выстраивает целый ряд символов, демонстрирующих радость автора от собственной причастности к чарующему поэтическому миру Марины Цветаевой: красные гроздья рябины и цветаевский костер как символы единения разных поэтов; елабужские сосны, колокольчик из Тарусы и веточка крымской полыни как символы вечной памяти; пароход как символ заключительного аккорда жизни Цветаевой.

«Литературные путешествия» Григорьевой проходят и по местам памяти Б. Пастернака (Урал); Р. Рождественского (родина поэта, село Косиха Алтайского края); Л. Толстого (Кавказ, место написания «Казаков»).

Циклы стихотворений, содержащих впечатления от литературных путешествий Григорьевой, представляют собой образ единого пространства. Значительная часть стихотворений Григорьевой посвящена впечатлениям от путешествий в разные города, государства. Топонимы, встречающиеся в заглавиях произведений, дают представление об авторской концепции пространственной картины мира поэта. Здесь эксплицитно проявляется деление пространства на «свое» и «чужое», поскольку Павлодар — это по-настоящему родное, близкое сердцу место, а иные города и страны, возможно, прекрасны, но «нет ничего слаще, / Чем снова вернуться в дом» [13; 207].

Дом, родная земля пространственно представляет собой единение трех начал — реки, родной речи и храма как центра мироздания. Поэтому так важно возвращаться в это сакральное для поэтессы место. Григорьева объединяет стихотворения, посвященные ее литературным путешествиям или навеянные разными местами, в блокноты («Турецкий блокнот», «Крымский блокнот»), дневники («Грузинский дневник»), тетради («Кавказская тетрадь»), циклы («Кизи», «Пермский период», «В Елабуге»), этюды («Белорусские этюды»).

Есть стихотворения, посвященные Алма-Ате, Уральским горам, Парижу. Места, описанные в этих стихотворениях, особенны, поскольку каждое из них напоминает поэту о жизни, творчестве и судьбе своих поэтических кумиров, — тех, кому она обязана своим поэтическим даром: Грузия — о Пушкине, Лермонтове, Пастернаке, Гумилеве; Санкт-Петербург — о том, как «Пушкин под этой аркой / С Бродским, представьте, беседует о Катулле» [13; 218], Чердынь — о Манделштаме.

Для автора принципиальна позиция: не важно, где ты находишься, главное — жить в единении с вечными ценностями. Так, в стихотворении «В Батуми» Григорьева изображает единение светлых помыслов людей разных национальностей и вероисповеданий: «А справа — купола Николы, / А слева — белая мечеть. / И вечность неба, зыбкость моря, / И гор незыблемая твердь» [13; 211].

Функционирование столь разнообразных топосов в творчестве Григорьевой лишь подчеркивает: как бы ни были прекрасны европейские и иные страны, они не становятся для автора желанными в качестве места постоянного проживания; более того, еще роднее после посещения разных стран представляются ставшие родными бескрайние казахстанские степи.

Итак, исследование пространственно-временной организации художественного творчества павлодарского литератора О. Григорьевой позволило сделать несколько важных заключений. Для хронотопа Григорьевой характерно рассмотрение городского пространства с точки зрения человека, воспринимающего Павлодар как родное пространство, в противовес заграничному, «чужому». С уважением относясь к особенностям жизненного уклада представителей других национальностей и вероисповеданий, Григорьева ощущает себя неотъемлемой частью казахстанского культурного контекста. Пространство может быть ограниченным и безграничным, открытым и замкнутым. Часто лирическая героиня не ощущает себя его частью, воображаемо перемещается, переходя границы. Время, функционирующее в творчестве Григорьевой, можно условно разделить на биографическое, сезонное, календарное, историческое, космическое. Часто используемый Григорьевой способ перемещения во времени и пространстве — это воспоминания. Время и пространство в произведениях Григорьевой — важные составляющие художественного целого, в котором отдельные события из жизни лирической героини становятся общечеловечески значимыми.

Изучение пространственно-временной организации художественных произведений О. Григорьевой позволяет глубже постичь особенности авторской картины мира, выявить своеобразие ее философско-поэтической концепции бытия. Демонстрируя любовь к родному пространству (представленному концептами города, степи, страны и т.д.), Григорьева не может ограничиться конкретной пространственно-временной точкой, она расширяет границы своего мира, перенося это чувство на «чужое» пространство. Причины этого кроются как в биографии поэтессы (рожденная в одном месте, она находит настоящую родину в другом), так и в психологическом складе ее личности

(она открыта для новых впечатлений, получаемых в процессе знакомства с новыми местами и людьми; легка на подъем; готова к постоянному развитию; дружелюбна; национально и конфессионально толерантна; отдает отчет в значимости культуры для развития общества; ценит вклад предшественников).

О. Григорьева является знаковой фигурой современности. Активно занимаясь литературной деятельностью, она также пропагандирует интерес к истории, культуре, литературе Павлодарского региона, внося тем самым весомый вклад в развитие Казахстана в целом. Поэтесса подчеркивает необходимость изучения и важность сохранения наследия региональных авторов в рамках всей страны и даже выход за ее пределы. В связи с этим, к примеру, Григорьева с особой гордостью повествует о мероприятиях, проводимых в регионе, посвященных увековечиванию памяти о Павле Васильеве (функционирование Дома-музея и Центральной городской библиотеки имени поэта, проведение Васильевских чтений и др.). Важная часть ее работы — открытие малоизвестных широкой общественности имен людей, внесших вклад в становление культуры Павлодарского Прииртышья (например, художника В.Е. Овчинникова), а также поддержка молодых деятелей культуры. В заключение следует подчеркнуть, что О.Н. Григорьева, отстаивая идеи межнационального сотрудничества и диалога поколений, поликультурности и поликонфессиональности, вносит весомый вклад в процесс консолидации творческой интеллигенции Казахстана и России в контексте общемировых культурных процессов, в которых сохраняется тренд репрезентации пространственно-временных характеристик бытия.

Список литературы

- 1 Толысбаева Ж.Ж. Трансформация жанров в современной поэзии Казахстана: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.08 – «Теория литературы. Текстология» / Ж.Ж. Толысбаева. — Алматы, 2006. — 65 с.
- 2 Шафер Н.Г. Доверчивые тетради. Этюды о поэзии Ольги Григорьевой [Электронный ресурс] \ Н.Г. Шафер. — Режим доступа: [https:// shafer.pavlodar.com/texts/dt01.html](https://shafer.pavlodar.com/texts/dt01.html).
- 3 Ананьева С.В. Русская литература / С.В. Ананьева, Т.В. Кривошапова // Литература народа Казахстана: моногр. [С.С. Кирабаев, С.А. Каскабасов, Ш.Р. Елеукинов и др.]; под общ. ред. У.К. Калижанова; Ин-т литературы и искусства им. М.О. Ауэзова. — Алматы: КАЗакпарат, 2014. — С. 43–121.
- 4 Гаранина Е.П. Городское пространство как реализация провинциального хронотопа в творчестве О.Н. Григорьевой (на материале сб. «Зимняя птица — синица на павлодарской сосне. Стихи о Павлодаре») / Е.П. Гаранина // Общекультурный ландшафт Павлодара: моногр.: энцикл. справоч. [Г.С. Суюнова, О.К. Андрищенко и др.]; под общ. ред. Е.П. Гараниной. — Семей: Зияткер, 2017. — С. 29–37.
- 5 Гаранина Е.П. Литературный Павлодар на современном этапе / Е.П. Гаранина, Л.Е. Токатова // Общекультурный ландшафт Павлодара: моногр.: энцикл. справоч. [Г.С. Суюнова, О.К. Андрищенко и др.]; под общ. ред. Е.П. Гараниной. — Семей: Зияткер, 2017. — С. 8–16.
- 6 Жуманова Р. Ольга Григорьева. Я работаю кнопкой компьютера «сохранить» [Электронный ресурс] \ Р. Жуманова Ольга Григорьева. — Режим доступа: [https:// www.proza.ru/2015/12/20/474](https://www.proza.ru/2015/12/20/474).
- 7 Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе / М.М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. — М.: Худож. литература, 1975. — С. 234 — 407.
- 8 Турсунов Е.Д. Художественное время и пространство в айтысе / Е.Д. Турсунов // Традиции и новаторство в художественном освоении действительности: сб. науч. тр. — Алма-Ата: Наука, 1981. — С. 34–52.
- 9 Джуанышбеков Н.О. Проблемы современного сравнительного литературоведения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: спец.: 10.01.08 – «Теория литературы» / Н.О. Джуанышбеков. — Алматы, 1996. — 58 с.
- 10 Савельева В.В. Художественный текст и художественный мир / В.В. Савельева. — Алматы: Дайк-Пресс, 1996. — 192 с.
- 11 Ананьева С.В. Время — пространство — автор / С.В. Ананьева. — Алматы: Ин-т литературы и искусства им. М.О. Ауэзова, 2003. — 86 с.
- 12 Темирболат А.Б. Категории хронотопа и темпорального ритма в литературе: моногр. / А.Б. Темирболат. — Алматы: Ценные бумаги, 2009. — 504 с.
- 13 Григорьева О. Никогда не повторенье: стихи разных лет / О.Н. Григорьева. — Павлодар: Дом печати, 2017. — 588 с.
- 14 Григорьева О. Вы — история, не поколение: очерки и эссе / О.Н. Григорьева. — Павлодар: НПФ «ЭКО», 2002. — 158 с.
- 15 Григорьева О.Н. Цветаевский теплоход / О.Н. Григорьева. — Омск: Амфора, 2018. — 260 с.

Е.А. Новосёлова, О.А. Иост, П.В. Алексеев

Ольга Григорьеваның лирикасындағы уақыт пен кеңістіктің поэтикасы

Мақала заманауи орыс тілді ақын, жазушы, журналист және әдебиеттанушы, әлемдегі Анастасия Цветаева атындағы жалғыз музейдің негізін қалаушы, Қазақстанның шығармашылық зиялы қауымының көрнекті өкілі Ольга Николаевна Григорьеваның шығармашылығының хронотопы (кеңістік-уақыттық ұйымдастыру) қарастырылған. Талдау пәні — Ольга Григорьева лирикаларының көркем хронотопы болып табылады, Павлодар облыстық әдебиетіне және әлемдік әдеби үдеріске енген автордың шығармашылығы мен тұлғасының өзіндік ерекшелігі туралы түсінік берілген. О. Григорьеваның көркем шығармаларының кеңістік-уақыттық ұйымдастырылуын зерттеу автор әлемінің жеке авторлық картинасының ерекшеліктерін тереңірек түсінуге, оның болмысының бірегейлігін ашуға мүмкіндік береді. «Өзіне», туған кеңістігіне (қала, дала, ел туралы ұғымдармен) сүйіспеншілігін көрсете отырып, Григорьева өзін белгілі бір кеңістік-уақыт нүктесімен шектей алмайды, ол өзінің сезімін «өзге» кеңістікке бере отырып, өз әлемінің шекарасын кеңейтеді. Мақаланың нәтижесі — О. Григорьеваның этносаралық ынтымақтастықты, ұрпақтар диалогын нығайтуға қосқан үлесін айқындау, ұлттық мәдени процестер жағдайында Павлодар Ертісінің әдеби қызметін жандандыру.

Кілт сөздер: Ольга Григорьева, хронотоп, уақыт, кеңістік, әдеби шығарма, аймақтық әдебиет, Қазақстанның орыс тілді әдебиеті.

E.A. Novossyolova, O.A. Iost, P.V. Alekseev

Poetics of time and space in the lyrics of Olga Grigoryeva

The article is devoted to the consideration of the spatio-temporal organization of the work of the contemporary Russian-speaking poet and writer, journalist and literary critic, creator of the museum named after A. Tsvetaeva, a prominent representative of the creative intellectuals of Kazakhstan, Olga Nikolaevna Grigoryeva. The subject of analysis is the chronotope of the lyrics of Olga Grigoryeva, which studying identifies the originality of the author's creativity and personality, inscribed in Pavlodar regional literature and the world literary process. The studying of the spatio-temporal organization of her works allows to understand the features of the author's picture of the world, to reveal the uniqueness of her philosophical and poetic concept of being. Demonstrating her love for the native space (represented by the concepts of a city, steppe, country, etc.), Grigoryeva cannot limit herself by a specific space-time point, she expands the boundaries of her world, transferring this feeling to a «foreign» space. The result of the article is the determination of the contribution of O. Grigoryeva to the strengthening of interethnic cooperation, the dialogue of generations, the revitalization of the literary activity of Pavlodar Irtysh in the context of national cultural processes.

Keywords: O. Grigoryeva, chronotope, time, space, literary creation, regional literature, Russian-language literature of Kazakhstan.

References

- 1 Tolysbaeva, Zh.Zh. (2006). Transformatsiia zhanrov v sovremennoi poezii Kazakhstana [Transformation of genres in the modern Kazakh poetry]. *Extended abstract of Doctor's thesis*. Almaty [in Russian].
- 2 Shafer, N.G. Doverchivye tetradi. *Etydy o poezii Olhi Hrihorevoi [Confiding notebooks. Studies on the poetry of Olga Grigoryeva]*. shafer.pavlodar.com. Retrieved from <https://shafer.pavlodar.com/texts/dt01.html> [in Russian].
- 3 Ananieva, S.W. & Krivoshchapova, T.W. (2014). Russkaia literatura [Russian literature]. *Literatura naroda Kazakhstana — Literature of Kazakhstan's people*. U.K. Kalizhanov (Ed.); Institut literatury i iskusstva imeni M. Auezova. Almaty: KAZakparat [in Russian].
- 4 Garanina, E.P. (2017). Horodskoe prostranstvo kak realizatsiia provintsialnogo khronotopa v tvorchestve O. Hrihorevoi (na materiale sbornika «Zimniaia ptitsa — sinitsa na pavlodarskoi sosne. Stikhi o Pavlodare») [Urban space as the implementation of the provincial chronotope in the work of O. Grigoryeva (on the material of the book «The winter bird tomtit — on the Pavlodar pine. Poems about Pavlodar»). *Obshchekulturnyi landshaft Pavlodara — The general cultural landscape of Pavlodar*. E.P. Garanina (Ed.). Semey: Ziiatker [in Russian].
- 5 Garanina, E.P. & Tokatova, L.E. (2017). Literaturnyi Pavlodar na sovremennom etape [Literary Pavlodar at the present stage]. *Obshchekulturnyi landshaft Pavlodara — The general cultural landscape of Pavlodar*. E.P. Garanina (Ed.). Semey: Ziiatker [in Russian].
- 6 Zhumanova, R. Olha Hrihoreva. *Ya rabotaiu knopkoi kompiutera «sokhranit» [I work with a computer button «save»]*. proza.ru. Retrieved from <https://www.proza.ru/2015/12/20/474> [in Russian].
- 7 Bakhtin, M.M. (1975). Formy vremeni i khronotopa v romane [Forms of time and chronotope in the novel]. *Voprosy literatury i estetiki — Questions of literature and aesthetics*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura [in Russian].

- 8 Tursunov, E.D. (1981). Khudozhestvennoe vremia i prostranstvo v aityse [Art time and space in aityse]. Abstracts of Papers Traditions and innovations in the creative exploration of reality: *Sbornik nauchnykh trudov — Collection of scientific papers*. (pp. 34–52). Alma-Ata: Nauka [in Russian].
- 9 Dzhuanyshebekov, N.O. (1996). Problemy sovremennoho sravnitel'nogo literaturovedeniia [Problems of modern comparative literature science]. *Extended abstract of Doctor's thesis*. Almaty [in Russian].
- 10 Savelieva, V.V. (1996). *Khudozhestvennyi tekst i khudozhestvennyi mir [Art text and art world]*. Almaty: Dayk-Press [in Russian].
- 11 Ananieva, S.V. (2003). *Vremia–prostranstvo– avtor [Time–space–author]*. Almaty: Institut literatury i iskusstva imeni M. Auezova [in Russian].
- 12 Temirbolat, A.B. (2009). *Katehorii khronotopa i temporal'nogo ritma v literature [Chronotope and temporal rhythm categories in literature]*. Almaty: Tsennyye bumahi [in Russian].
- 13 Grigoreva, O. (2017). *Nikohda ne povtorene: stikhi raznykh let [Never repeat: poems of different years]*. Pavlodar: Dom pečhati [in Russian].
- 14 Grigoreva, O. (2002). *Vy istoriia — ne pokolenie: ocherki i esse [You are the history — not a generation: essays]*. Pavlodar: Eko [in Russian].
- 15 Grigoreva, O.N. (2018). *Tsvetaevskii teplokhod [Tsvetayev ship]*. Omsk: Amfora [in Russian].